

СОВЕСЕДНИК

Галина Юзефович: Критиком становится каждый, кто высказывается о книгах публично

Обозреватель «Медузы» и преподаватель бизнес-школы «Сколково» — о том, как изменилась роль профессиональных критиков за последние два десятилетия и кто теперь ориентирует читателей в информационном поле книжных новинок

МАРИЯ ТРОКАЙ

— Почему современное состояние литературы вы назвали «плоским миром»?

— Для пояснения темы изменений в области литературы и литературной критики я использую метафору «плоский мир», знакомую читателям Терри Пратчетта. В его романах великая Вселенная лежит на спинах четырёх гигантских слонов, которые стоят на панцире черепахи А'Туин. То, что я вкладываю в этот образ, станет понятным в ходе разговора.

Для начала напомним, что само слово «критика» в переводе с греческого означает «судить», «решать». В России литературный критик всегда был отчасти политик, отчасти общественный трибун. То, что сегодня, спустя 150 лет, мы без труда узнаём на портретах звёзд российской литературной критики XIX века, говорит о том, что критика была чертовски важной частью общественной жизни — одновременно и публичным, и художественным высказыванием, включающим в себя науку и аналитику.

— Критика времён Чернышевского, Белинского и Добролюбова тесно связана с общественной мыслью и остросоциальными темами. А что происходит сегодня? Можно ли разграничить: вот — литература, а вот — реальная жизнь?

— Мне кажется, что сегодня грань между литературой и реальной жизнью гораздо заметнее и чётче. В России литература долгое время оставалась заменителем всего — от нормальной журналистики до нормальной психологии. Поэтому и реакция на неё, в том числе реакция критическая, часто бывала практически неотделима от реакции на происходящее вокруг. В советскую эпоху критик превратился в опасную фигуру, от чьего вердикта буквально зависела хрупкая жизнь творца. Сейчас, слава богу, это уже не так, и мы наконец можем, говоря о литературе, говорить именно о литературе, а не о чём-то другом.

— Вы не критикуете литературные произведения, а только рекомендуете достойные внимания читателей?

— Прежние представления о критике совершенно не соотносятся с сегодняшними реалиями. С нашей профессией буквально за 15–20 лет произошли необратимые изменения. Критики перестали быть страшными и могущественными — они вообще почти перестали существовать и уж точно перестали писать

ФОТО АЛЕНА УЖЕГОВА

Лекция Галины Юзефович «Плоский мир литературы, или Что случилось с критикой», состоявшаяся 9 февраля, открыла новый сезон просветительского лектория, организованного в Перми Центром городской культуры и магазином «Пиотровский»

литературу о литературе, которая вызывает масштабную дискуссию в обществе. Это связано с глобальными изменениями в самой литературе и шире — в культуре. Жёсткая иерархия, существовавшая на протяжении многих веков и делившая культуру на высокую и низкую, а литературу — на классическую и массовую, исчезла. Деление литературы по сортам было напрямую связано с социальной стратификацией. В той модели мира были необходимы эксперты, которые решали судьбу литературного произведения и определяли выбор читателя.

— Когда и почему исчезла иерархическая система в современной культуре?

— Стремительный распад привычной, логичной и выверенной временем картины мира пришёлся на начало 1980-х годов. Но устойчивые иерархии не рушатся просто так: для этого был целый ряд причин; наиболее весомые из них относились к области социальной жизни и возникли в США, где произошла смена элит. До 1980 года, чтобы попасть в привилегированное общество, человек располагал только двумя путя-

ми: он мог родиться в элитарной семье или планомерно и небыстро подняться на социальном лифте, а в 1980-е появилось новое поколение элиты — «яппи» (young urban professionals — молодые городские профессионалы), причём наверху общества они оказались, минуя стандартные пути достижения социального успеха. Это поколение сломало связь между системой культурного потребления и социальным статусом. Нынешнее поколение миллиардеров в мятых футболках, вроде Цукерберга, — родом оттуда.

Возникла новая социальная реальность, которая была поддержана на уровне философии и культурологии. Одним из её идеологов стал французский философ и семиотик, представитель постструктурализма Ролан Барт, провозгласивший, что «автор умер», а читатель в любом тексте вычитывает то, на что ему хватает квалификации, а не то, «что хотел сказать автор». Эта идея оказалась живучей: книга создаётся не в тот момент, когда пишется, а тогда, когда читается. Каждый из нас одну и ту же книгу прочитывает по-разному, опираясь на свой жизнен-

ный опыт, исходя из того, какая на улице погода, и прочий контекст. В такой ситуации невозможно делить книги на сорта: высококобная и массовая культура утратили свои чёткие границы. Сегодня культурные предпочтения ничего не говорят о социальном статусе человека.

— Как это связано с тем, что критика утратила свою роль строгого судьи, решающего, какого качества то или иное художественное произведение?

— Сегодня критиком становится любой человек, высказывающийся о культуре. Каждый из нас получил по факту полномочия критика и право высказываться на любую тему публично. В первую очередь это связано с широким распространением социальных сетей. Мы живём в тяжёлое и неприятное время, когда культурный и литературный мир сплюснулся: все книги стали одинаковы, потому что каждый в них находит что-то своё. Все мнения о книгах тоже стали одинаковы: суждение доктора наук, специалиста по литературе Серебряного века имеет примерно такое же количество доверяющих ему людей, что и отзыв школьницы, написавшей в своём блоге о стихах Цветаевой. Когда я говорю, что мир стал плоским, имею в виду эти реалии нашего времени. Решая, стоит ли читать Достоевского, нормальный молодой человек идёт в интернет — изучать отзывы. В этом качестве Достоевский уравнился не только с таким автором, как Донцова, но и, например, с утюгом. Ведь, выбирая утюг, мы тоже читаем отзывы...

— Можно ли изменить эту картину и сделать мир литературы снова объёмным?

— Такие попытки предпринимались довольно активно, многих «плоский мир» не устраивает. На самом деле разница между высокой и низкой литературой есть. Самая известная попытка обозначить эту разницу — книга американского историка и литературного критика Гарольда Блума «Западный канон», написанная и вышедшая в свет на Западе в 1994 году. На русский язык она переведена лишь год назад. «Западный канон» вызвал чудовищный скандал. В пантеон лучших писателей всех времён и народов, по версии автора, вошли произведения 26 «белых мёртвых мужчин». В западном обществе разгорелись споры о том, почему в этом списке нет ни одного великого китайского писателя, ни одного афроамериканца, ни одной женщины и так далее. Книга послужила поводом для пересмо-